

Виктор Кириенко

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого

СТАРООБРЯДЧЕСТВО И СТАНОВЛЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНО-РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БЕЛАРУСИ

Для большинства аналитиков, изучающих процесс становления белорусского этноса, является аксиомой факт его тесного взаимодействия с великорусским этносом. Правда, это не мешает не только политикам, но и излишне политизированным ученым существенно расходиться в оценке влияния «русского фактора» на формирование белорусского этноса, менталитета белорусов. Одна из радикальных концепций заключается в том, что белорусского этноса как такового не существует, а есть только модификация, вариант великорусского. А раз нет белорусского этноса, то нет и белорусской нации. Из этой позиции легко выводятся и современные политические коллизии: Беларусь – только составная часть России. Вторая крайняя позиция в оценке «русского фактора» на формирование белорусского этноса заключается в отрицании родства между этими этносами. Отсюда все эпизоды взаимодействия между русским и белорусским этносами рассматриваются как неестественные, насильственные, как процесс насильственной русификации белорусского этноса, и естественных защитных действий со стороны белорусов. Политики этого направления видят будущее Беларуси в полной изоляции от России. Нетрудно увидеть, что обе точки зрения максимально политизированы, обе обостряются в «переломные» исторические моменты. Более продуктивной является научная концепция, рассматривающая взаимодействие русского и белорусского этносов как близко родственных, однокоренных восточнославянских, но самостоятельных. Опираясь на эту взвешенную научную концепцию взаимодействия великорусского и белорусского этносов, следует отметить, что она требует изучения, уточнения и дополнения.

Формирование белорусского этноса, по крайней мере, его восточного сегмента (восточные районы современных Гомельской, Могилевской и Витебской областей), исторически осуществлялось во взаимодействии с двумя вариантами великорусского этноса. Ибо уже с середины XVII века, после произошедшего «раскола», формально в православной российской церкви, а фактически – в российском этносе, реально существовало два великорусских субъэтноса. Как отмечал авторитетный исследователь русского этноса Л. Гумилев, «неконструктивный, а потому непримиримый церковный ритуально-обрядовый спор между партиями Никона и Аввакума на самом деле «выражал раздвоение русского этноса, с последующим *выделением субъэтноса старообрядцев*»¹ (выделено мною, В. К.). Эти субъэтносы можно обозначить как *великорусский*

¹ Л. Гумилев. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Рольф, 2001. – 558 с. – с. 280.

– православный и великорусский – старообрядческий или, по терминологии официальной православной церкви, *великорусский – раскольничий*.

Беспристрастное изучение старообрядчества актуализируется и в связи с поиском собственных национальных культурных основ для построения общественных отношений, сочетающих экономическую производственную эффективность с социальной гармонией. Является общеизвестным тот факт, что современный вариант западного капитализма стал возможным благодаря его синтезу с этическими императивами протестантизма. М. Вебер в своей знаменитой работе «Этика протестантизма и дух капитализма» раскрыл генезис взаимодействия этико-культурных структур протестантов и экономико-капиталистических механизмов в Северной и Западной Европе. Общеизвестным является и то, что «японское чудо» стало возможным благодаря естественному синтезу североамериканских технологий с этико-хозяйственными императивами традиционного для Японии конфуцианства. Неизбежно встает вопрос – существуют ли у восточнославянских этносов собственные социокультурные механизмы, позволяющие актуализировать построение рациональных экономических отношений с «человеческим лицом».

Представляется, что одним из мощных, но пока плохо исследованных и понятых, отечественных социокультурных пластов, реально показавших способность актуализировать рационально-рыночные отношения, не разрушая собственных традиционно-славянских культурных основ жизнеустройства, является старообрядчество. Старообрядцев никто в Россию не засылал, они явились продуктом собственной истории. Старообрядцы, староверы, по их собственному определению, а по версии ортодоксальной православной церкви – раскольники, начиная со второй половины XVII века, жили параллельной церковной жизнью с официальной церковью и параллельной светской – с государством. «Одни предпочитали называть себя старообрядцами, отрицая, зачастую обосновано, обвинения в интеллектуальном консерватизме, другие - староверами, подчеркивая верность заветам и отрицая обвинения в том, что суть раскола лишь в соблюдении обрядов – тоже не беспричинно. Так или иначе, старообрядцы де-юре были объявлены раскольниками, хотя де-факто именно они были хранителями традиций, а раскольниками были их противники»².

Следует подчеркнуть, что интересы и взгляды великорусского православного субэтноса выражали не только официальная православная церковь, но и императорская власть и официальная наука. Поэтому процесс социокультурного взаимодействия великорусского православного субэтноса с белорусским достаточно изучен. Интересы и взгляды старообрядцев, до 1905 года официально именовавшихся раскольниками, могли выражать только они сами. Учитывая собственную замкнутость, практическое отсутствие миссионерской деятельности, пропаганды и распространения ревнителями старой веры своих взглядов и убеждений, старообрядчество на долгое время для окружающего его мира оказалось «вещью в себе». Печать «раскольников», наложенная официальной церковью и государством на людей, в свое время попытавшихся отстоять не столько старинные обряды, сколько собственный образ жизни, собственные традиции, собственную модель общественного обустройства, и сегодня все еще не позволяет увидеть всю многосложность, всю многоплановость российских «протестантов наоборот».

² О. Шахназаров. История развития общества: русский путь. //Общество и экономика. № 2, 2000, с. 290

Так или иначе, но старообрядчество не в церковно-обрядовом, а в социокультурном, в том числе, и в этико-хозяйственном плане, изучено очень слабо. Современная наука оказалась только в начале пути изучения влияния старообрядческого субъэтноса на формирование этико-хозяйственной культуры и русского, и белорусского этносов.

Недостаточная изученность влияния старообрядчества на формирование культуры белорусского этноса связана и с тем, что удельный вес старообрядцев на территории белорусских губерний являлся относительно небольшим. По переписи 1897 года население Верхнего Поднепровья и Белоруссии характеризовалось следующим образом. По этнографическому признаку население белорусских губерний состояло из следующих этносов: белорусы – 66,3 %, великоруссы – 12,4 %, евреи – 8,3 %, поляки – 5,4 %, латыши – 4,2 %, остальные – 3,3 %³. По конфессиональному признаку население делилось следующим образом: удельный вес православных составлял 76,6 %, иудеев – 11,0 %, католиков – 9,4 %, раскольников – 2,2 %, протестантов – 0,6 %⁴. Таким образом, удельный вес населения православных великоруссов в белорусских губерниях в 5 раз превышал население великоруссов – раскольников.

Но фактическое влияние великорусского старообрядческого субъэтноса на формирование белорусского этноса было существенно большим, чем влияние в несколько раз превышающего по численности великорусского православного субъэтноса. По свидетельству исследователей конца XIX века, «православное великорусское население ... сильно смешивается с белорусским, представляет мало типичных черт, составляя переход от белорусских к псковским, московским и калужским великоруссам»⁵. Язык, быт, культура у приграничного белорусского этноса и великорусского православного субъэтносов были общими. Иная ситуация складывалась во взаимоотношениях местного населения со старообрядческим субъэтносом. «Старообрядцы-великоруссы белорусских губерний резко отличаются от соседних народностей, сохраняя свой национальный тип, язык и приверженность к «старой вере». И это понятно, так как они не сливаются со своими соседями»⁶. Именно эти «островки» дореформенной, самобытной «раскольничей», старославянской культуры оказали благодатное влияние на формирование рационально-деятельных характеристик культуры белорусского этноса.

Чтобы понять всю сложность событий XVII – XVIII веков, необходимо подчеркнуть, что раскол великорусского этноса происходил в несколько этапов.

Первый этап, так называемый, церковный начался с известных Никоно-Алексеевских (Алексей Михайлович) новаций. Первый этап раскола носил *вертикальный* характер, т.к. он не разделял российское общество по социальному признаку: и по одну и по другую сторону оказались представители всех социальных слоев – бояре, духовенство, народные массы. Костяком, цементирующим ядром российского «протестантизма» были широчайшие социальные слои, не принявшие новые социальные алгоритмы обще-

³ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 134

⁴ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 134

⁵ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 207

⁶ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 205-206

ственного обустройства. Старообрядцы-поповцы в большинстве случаев не выходили за пределы православия как такового. В общинах этого направления не разрушалась традиционная социальная структура, и в «новообразовавшуюся внутриаэтническую целостность» входили и купцы-миллионеры, и казаки, и неимущие крестьяне⁷. Старообрядцы-поповцы своими «протестными» действиями не просто консервировали привычный образ жизни, но отстаивали естественное, соответствующее собственному славянскому пространственно-временному алгоритму, мироощущение и мировосприятие жизни.

Второй, главный этап раскола великорусского этноса начался сразу же после первого. Этот раскол носил ярко выраженный *горизонтальный* характер. После расправы над идейными вдохновителями партии Аввакума и «бегства» старообрядцев на окраины Руси, представителям победившей партии, опьяненным «пирровой» победой над еретиками-раскольниками, потребовалось развитие и завершение реформ по вестернизации России. После ухода из центра России сильных духом и телом «раскольников», народные массы стали более «понятливыми» и послушными для всех последующих «прозападных» новаций. Но эта «понятливость» и послушание молчаливого народного большинства, лишенного своих самых лучших представителей, были химерными. Вместо естественного и желаемого диалога между устной и письменной формами единой национальной культуры начался глубочайший раскол между малой, народной (устной) и большой, письменной (цивилизационной) элитарной культурами. Правящая российская элита, осуществившая невиданную в истории самовестернизацию, приступила к созданию беспрецедентной пропасти между культурой, позаимствованной у Запада и культурой собственного народа.

Антизападной социокультурной версии раскола российского общества, хоть и с разными акцентами придерживались многие исследователи. Анализируя сложные, противоречивые процессы, охватившие Русь в 17 веке, один из авторитетных социальных историков А. Дж. Тойнби отмечает, что «раскольники оказывали сопротивление западному вторжению, отстаивая исключительную и неповторимую Святую Русь, которая при их вере была третьим Римом, последним стражем истинного христианского православия. Это были фанатически настроенные староверы, порвавшие с официальной московской церковью и государством из-за своего упорного нежелания признать реформированный московский православный ритуал, приведенный к норме греческой церкви».

Непримиримость староверов из этой, казалось бы «семейной ссоры» переросла в политику их глобального неприятия всего, что исходило из западного мира⁸.

Ошибался А. Тойнби, не были староверы дремучими консерваторами, не способными понять выгоды идущих из Европы в Россию. Если бы старообрядцы, по утверждению А. Дж. Тойнби, на самом деле проводили политику абсолютного неприятия всего, что исходило из западного мира, что они полностью отрицали западную технологию и западное оружие⁹, то, как можно объяснить, что при покровительстве царского правительства, никто иной, как бывший крестьянин-старообрядец Демидов, опираясь на своих единомышленников, создал знаменитые Уральские заводы, на которых работали практически только старообрядцы. Не вестернизированные «новые русские», получившие «при-

⁷ Л. Гумилев. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Рольф, 2001 г. – 558 с. – с. 82

⁸ А. Дж. Тойнби. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – 732 с. – с. 563

⁹ А. Дж. Тойнби. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – 732 с. – с. 563

вивки» западно-европейской культуры, и «прожигающие» на Западе богатство России, добытое непосильным трудом народа, а именно старообрядцы Морозовы, Третьяковы, Рябушинские, державшиеся за старые российские обычаи, в 18 – 19 веках создали очаги промышленности, в которых шло реальное формирование специфических предпринимательских, товарно-денежных отношений, базирующихся на традиционно-славянских алгоритмах социального взаимодействия. «Попав в старообрядческую общину, человек оказывался в особой системе, которую сплачивал мощный стержень – единоверие... Постоянное спасение от репрессий и стремление выжить выдвигало из рядов общины наиболее способных личностей, которым доверяли не только отправление культа, но и казну. Так появились купцы – миллионеры, которые обязаны были заботиться о благосостоянии своих единоверцев. Приходилось налаживать свое производство, сбыт товаров, торговые связи и связи с правительством. Вся эта деятельность выявляла в людях предпринимательские качества, которые впоследствии помогли им крупно обогатиться. ...*Экономическая активность старообрядцев сыграла историческую роль огромной важности, а именно, ту же миссию, что и протестантизм*¹⁰. (выделено мною, В.К.).

Предпринимательская, товарно-рыночная деятельность старообрядцев неизбежно формировала у них рационалистические черты. Но предпринимательский рационализм старообрядцев, «наложенный» на древнюю славянскую общинную культуру, не разрушал такие традиционно-патриархальные качества как взаимопомощь, усердие в труде, добросовестность, личную аскезу в потреблении. В отличие от абстрактного ортодоксально-православного «возлюби ближнего своего» старообрядческая община любому единоверцу предоставляла все, что у нее было – заботу, жилье, пищу, работу. В ответ на это каждый старообрядец должен был сделать то же самое. Предпримчивость, расчетливость староверами не только не осуждалась, но находила всемерную поддержку, поскольку создаваемые в общине прибыль и «барыш» были направлены на благо всех ее членов. Российский государственный деятель 19 века П.И. Мельников-Печерский отмечал, что «раскольничье братство твердо взаимным вспоможением. В быту крестьянам страшны: пожары, неурожай, падеж скота, покража и наезд суда; всего этого не боится крестьянин-раскольник. Ибо братство всегда с избытком восполнит его убыток денежный. Оттого между раскольниками нет не только нищих, но даже бедных крестьян. Раскольнику-купцу не страшны дурные обстоятельства дел торговых: ибо он не обанкротится, имея на своей стороне сильную помощь богатых своих собратьев»¹¹. Именно в рамках старообрядчества, под эгидой «старой» веры формировался уникальный синтез традиционно патриархальной общинности и буржуазно-капиталистического рационализма. В конкретных исторических условиях Российской империи, большинство населения которой было неграмотным, мало смыслящим в писаном праве, именно общинность, духовность, ответственность перед Богом и миром не по писаному закону, а по чести и совести, позволили создать не только очаги первоначального накопления капитала, но очаги капитализма изначально «с человеческим лицом».

Словно по иронии судьбы, не приняв радикальных, «прозападных» реформ, начатых царским двором и официальной православной церковью, часть ревнителей старой

¹⁰ Экономическая психология. //Под ред. И.В. Андреевой. – СПб: Питер, 2000 г. – 512 с. - с. 88

¹¹ Религоведение: учебное пособие и учебный словарь – минимум по религоведению. – М.: Гарднерика, 1988. – с. 485.

веры выселилась сначала на западные рубежи Российского государства, а затем и за границу, в Речь Посполитую, на территорию современной Беларуси. «В первые десятилетия раскола основная масса старообрядцев-поповцев устремилась к расселению по двум направлениям: на Дон и в Черниговский край – в район Стародубья»¹². Вместе с московскими беглецами под Стародуб последовали приверженцы «старой веры» из Костромы, Калуги, Орла, Великих Лук, Ярославля, Вязьмы, других мест. Ими вокруг Стародубья были построены слободы Понуровка, Семеновка, Злынка, Зыбка (нынешний Новозыбков).

Интересным является тот факт, что стародубско-ветковское старообрядчество формировалось на территории, где сегодня сходятся границы трех, ныне суверенных восточнославянских государств. В 17 веке на территориях, по которым проходила граница восточного Полесья и Поднепровья, проживали белорусы, украинцы и русские, сохранившие единую для всех восточнославянских этносов праславянскую, родовую культуру, осуществлявшие непрерывающееся стихийное культурное взаимодействие. Именно по этой территории в 17 столетии проходила граница между соперничающими друг с другом Речью Посполитой и Российским государством. Открытые и скрытые столкновения в российско-польском приграничье в максимальной степени отражали политическую нестабильность того времени.

Неприметное прежде место на восточной окраине белорусских земель быстро стало знаменитым. «...Селение *Ветка* на р. Сож является старинным центром раскола. ...В 1682 г., когда последовал Указ царей Ивана и Петра Алексеевича возвратить из-под Стародуба беглецов на их прежние места, раскольники во главе со священниками Косьмой и Стефаном перешли польскую границу и поселились на р. Сож на землях пана Халецкого. Так образовалась знаменитая Ветка. Здесь были построены раскольничьи церкви, были и епископы, и сюда тысячами стали стремиться приверженцы старой веры»¹³. «Местечко это не очень старое, но замечательное по значению своему в истории раскола. Ветковская слобода, которую можно назвать колыбелью старообрядцев здешнего края, возникла во второй половине 17 века, будучи основана старообрядцами, бежавшими от преследований московских властей»¹⁴. Существует несколько легенд о происхождении названия, которое дали старообрядцы своему поселению. Одна из наиболее популярных легенд утверждает, что «название Ветка происходит от острова того же имени, образуемого рекою Сожем и небольшим, отделяющимся от него заливом, составляющим как бы ветвь реки»¹⁵. По второй версии, Ветка – это остров на реке Сож, на котором поселились пришельцы. По третьей версии, Ветка – это ветвь Москвы. Поэтому главная площадь Ветки, как и в Москве, называется Красной.

Подчеркнем, предпринимательская «жизнь» ветковских старообрядцев была заложена изначально. Дело в том, что инициаторами в деле выселения в район Стародубья были 12 московских купеческих семей, которые в 1663 году во время царствования

¹² И.А. Кривелев. История религий. – т. 2 М.: Мысль, 1976. – 420 с. – с. 61

¹³ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с.206-207.

¹⁴ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 572.

¹⁵ Там же, с. 572.

Алексея Михайловича, во главе с настоятелем церкви Всех Святых на Кулишках Косьмой бежали на Черниговщину. Известно, что приход упомянутой церкви располагался в, так называемом, Белом городе, цитадели московского купечества. Именно эти московские купцы вместе с примкнувшими к ним мешанами, основали рядом со Стародубом слободу Понуровку, а затем переселились в Ветку.

Следует подчеркнуть, что ветковские старообрядцы были представителями поповского направления. В отличие от многочисленных беспоповских толков и согласий, подверженных религиозной (а по сути – безрелигиозной) протестной экзальтации люмпенского типа, раскручивающих себя ужасами воцарения на Земле *Антихриста*, до массовых самосожжений – *гарей*, ветковские старообрядцы являлись представителями *поповщины*. Их отличительной чертой было сохранение не только прежних, дореформенных церковно-ритуальных обрядов, но и дореформенной социальной структуры. В старообрядческих общинах поповского толка в «новообразовавшуюся внутризнтническую целостность входили и купцы-миллионеры, и казаки, и неимущие крестьяне»¹⁶. Сохранив свои прежнюю социальную структуру и внутренний духовный мир, белорусские старообрядцы не стали фанатиками, ушедшими в непроходимые дебри, отгородив себя от всего мира. Производственная и особенно торговая сферы деятельности старообрядцев обеспечивали их тесное взаимодействие с местным населением. Более сложными были отношения старообрядцев с российским государством. С одной стороны, представители партии Никона не допускали и мысли о признании «законности» старообрядчества. Раскольники – официальное название старообрядцев, просуществовало до 1905 года. Другая сторона этой общероссийской трагедии заключалась в том, что в результате раскола исторический центр России оказался обескровленным. Лучшие, сильные духом и телом россияне вынуждены были покинуть свою Родину. Осознание этой трагедии подталкивало царский двор к компромиссам.. Так, «императрица Елизавета Петровна, Петр III и Екатерина II приглашали неоднократно старообрядцев вернуться на родину и поселиться, где они пожелают; но старообрядцы не слушались»¹⁷. Правомерно предположить, что причинами этого неповиновения были не только удивительный по циничности царский компромисс – установленная для старообрядцев двойная подушная подать. Очевидно, что этим «соломоновым» решением царские власти пытались решить сразу две задачи. Во-первых, за счет раскольников пополнить обнищавшую царскую казну. Надо сказать, что в данном случае расчет был верным – трудоспособным, энергичным старообрядцам двойной налог был вполне по силам. От податей, как таковых староверы никогда не уклонялись. Не имея своих земельных угодий, арендуя ее у местных землевладельцев «старостам и панам они исправно платили за землю, *требуя одного, чтобы те не вмешивались в их дела*»¹⁸. Выделенное мною место, возможно и является одним из главных ключей к пониманию сложной, трагичной судьбы старообрядчества. Плата за землю украинским и польским старостам и помещикам, на самом деле для старообрядцев была *платой за право жить по старому обряду, обычаям и традициям своих предков*. Как подчеркивают очевидцы, такую плату они платили в полном объеме и в

¹⁶ Л. Гумилев. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Рольф, 2001. – 558 с. – с. 82

¹⁷ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. / Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 572.

¹⁸ Л. Виноградов. Гомель. Его прошлое и настоящее. – Гомель, 1900. – 48 с. – с. 24.

срок. Вторая задача, которую двойной подушной податью, наложенной на староверов, решали царедворцы, - удовлетворение претензий партии Никона на непризнание легитимности старообрядцев. Полагаю, что эта функция двойного подушного налога для старообрядцев была в большей степени неприемлема, чем первая – экономическая.

Необходимо признать, что одной из объективных причин формирования негативной официальной оценки старообрядчества является то, что свои поселения они организовывали на территории соперничающей с Россией Речи Посполитой. Скорее всего, сами того не желая, старообрядцы объективно помогали Речи Посполитой в ее противостоянии с Москвой. Когда вести о старообрядцах дошли до Варшавы, король назначил высший трибунальный суд, который «8 лютага 1690 г. пастанавіў: Гэтага рэлігія і тыя, хто яе вызнае, становяцца роўнымі з усімі грамадзянамі Рэчы Паспалітай і знаходзяцца пад заступніцтвам яе законаў»¹⁹.

Высокая экономическая эффективность, упорядоченность духовной и мирской жизни, высокая культура быта ветковских старообрядцев, возможно, и помимо их воли стали своеобразной шкалой измерения благополучия. К примеру, историк конца XIX века, отмечает, что «гомельские старообрядцы *соперничали зажиточностью даже с соседними ветковцами*»²⁰ (выделено мною, В.К.).

Императорская власть не могла смириться с самовольством раскольников и «в 1764 году было повелено генералу Маслову насильно забрать и возвратить беглецов. Маслов нашел здесь до 20 000 человек и разослал их в разные места. Это событие известно у старообрядцев под названием «второй выгонки»²¹. В результате «второй выгонки» Ветка и окружающие ее слободы были основательно разрушены. Но разогнанные староверы вновь возвращались на свои пепелища. И только с 1772 года, «после присоединения Гомеля к России, старообрядцы нашли себе могущественных покровителей в лице Румянцевых, и их самобытность была надолго обеспечена»²². Новых хозяев Гомеля, впрочем, как и прежних, в старообрядцах привлекала их прилежность, личная воздержанность, верность слову, высокий профессионализм, умение рачительно хозяйствовать, социальная стабильность.

Главным способом воздействия великорусского старообрядческого этноса на социокультурную среду и, в конечном счете, менталитет восточных белорусов, была их производственно-хозяйственная деятельность. Производственно-хозяйственная деятельность староверов в отличие от кульгово-обиходовой была совершенно открыто направлена на интенсивное проникновение в хозяйственную жизнь местного населения. Торговля, ремесленные промыслы, садоводство, огородничество старообрядцев изначально были товарными. По свидетельству современников, хозяйственная деятельность, быт, уклад жизни старообрядцев конца XIX века выгодно отличались от соседних этносов. «Подъезжая со взгорья к какому-нибудь белорусскому местечку, или к уездному городку, путник видит одну и ту же картину: куча разбросанных по кривым

¹⁹ Памяць. Веткаўскі раён. Кн. 1. Мн.: БЕЛТА, 1997. – 367 с. – с. 61.

²⁰ Л. Виноградов. Гомель. Его прошлое и настоящее. Факсимильное воспроизведение издания 1900 г. – Гомель, 1990. . – 48 с. – с. 24.

²¹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 572

²² Л. Виноградов. Гомель. Его прошлое и настоящее. Факсимильное воспроизведение издания 1900 г. – Гомель, 1990. . – 48 с. – с. 25.

улицам, а иногда и вовсе без улиц жалких домишек, покосившихся, грязных, без дворов и хозяйственных строений. Это дома еврейской бедноты. На фоне этих хатенок вырисовывается небольшое число лучших и более хозяйственным образом обустроенных домов. Однако при самом въезде в городок иногда можно встретить подряд несколько домов, представляющих собою контраст с общим видом местечка и даже контраст с преобладающим типом построек. Большая деревянная изба срублена по-великорусски с косячатыми окнами, украшенными резьбой великорусских образцов; высокий тесовый забор окружает весь двор; ворота и калитка облицованы затейливой резьбой; на воротах восьмиконечный крест. За забором виднеются хозяйственные постройки, амбары, сарай, столь же основательно сделанные. Неизменная принадлежность двора – колодец. Двор усыпан песком, кругом чистота, необычная для коренных жителей края; за двором виднеется фруктовый сад. Это – жилище великорусса-старообрядца. Богатый старообрядец устраивает свой дом на русский купеческий лад. Его дом состоит из нескольких комнат, хорошо обставленных мягкой мебелью. В доме устраивается отдельная «молельня», вся уставленная, за исключением задней стены, образами в богатых окладах; в углу постоянно теплится лампада. В сельских поселениях дворы старообрядцев более подходят к крестьянским, хотя все-таки резко выделяются своим великорусским типом, размерами, резными карнизами, наконец, разделением дома на две половины – жилую и чистую; в жилой, сходной по устройству с белорусской избой, живет семья, занимаясь хозяйственными работами. В чистой половине – полкрашеный, столы, стулья, голландская печь и в углу двухспальная кровать, завешанная коленкоровым или ситцевым пологом. В комнате расставлены сундуки с ценным платьем и вещами. Здесь помещаются хозяин и хозяйка. Эта же комната служит для приема гостей. В обоих помещениях много икон, особенно в чистой комнате. Везде чистота и опрятность безукоризненные. Следует добавить, что великорусская баня является неизбежной принадлежностью старообрядческого двора. Старообрядца легко отличить от белоруса и по одежде. Городские купцы и ремесленники носят длиннополый кафтан, двубортный жилет, наглухо застегнутый, шаровары суконные, плисовые или бумажные – в сапоги, наконец, картуз на голове.

Одежда великоруссов-крестьян состоит из русской рубахи, ситцевой или холщевой, носимой на выпуск, широких шаровар и поддевки без рукавов. Одежда женщин, как горожанок, так и поселянок, одинакова: они носят сарафаны из материи ярких цветов; на голове – небольшие шелковые платочки, зимою – шубки на заячьем, беличьем или лисьем меху, или меховые салопы. Девушки не носят сарафанов, заменяя их белой рубашкой, юбкой и передником, не покрывают также головы, заплетая волосы в одну косу»²³.

При более результативной хозяйственной деятельности, зажиточном достатке, современники отмечали у староверов белорусских губерний достаточно аскетический образ жизни, бросающееся в глаза не вынужденное, а совершенно добровольное ограничение в личном потреблении. «И в пище старообрядцы сохранили свои привычки: щи, квас и чай являются любимыми предметами потребления. Впрочем, в постные дни пьют чай с медом, так как сахар считается скоромным кушаньем, потому что он очищается

²³ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 204.

золою из пережженных костей. При этом, нельзя не отметить у старообрядцев одной очень симпатичной черты: они очень мало употребляют спиртных напитков, а многие и вовсе не пьют»²⁴.

Менее подверженными суевериям, более рациональными, большими аскетами были старообрядцы и при проведении важнейших славянских обрядов. Так, исследователи их быта отмечали, что «свадебные обычаи старообрядцев, обрядовая сторона столь бледна сравнительно с белорусским «вяселлем»... Вообще же старообрядцы мало обращают внимания на обрядовую сторону, и им совершенно не знакома та масса суеверий, которыми проникнуто мировоззрение их соседей – белорусов и латышей»²⁵.

Отличительной чертой, выделяющей старообрядцев Белоруссии среди местного населения, являлась «многопрофильность» их деятельности и высокий профессионализм. Так, современники отмечали, что «по своим земным занятиям великоруссы отличаются от своих соседей. Среди старообрядцев, живущих в селах и деревнях, громадное большинство занято земледелием»²⁶. В отличие от местного населения староверы-земледельцы вели, говоря современным языком, не экстенсивное, а интенсивное землепользование. Как известно, к отраслям земледелия, требующим высокой культуры землепользования, скрупулезности, системности и последовательности, относятся огородничество и садоводство. По свидетельству очевидцев, на территории восточной Белоруссии огородничество и садоводство распространялось именно стараниями старообрядцев. «Среди старообрядцев, живущих в селах и деревнях, громадное большинство занято земледелием..., среди живущих в городах большинство занимается садоводством и огородничеством»²⁷. Культура потребления овощей в белорусских губерниях в XIX веке была невысокой. «На своих участках крестьяне для себя разводят, большей частью, одну лишь капусту, репе – лук, редьку, брюкву и пр.»²⁸. Но старообрядцы-огородники в отличие от местного населения, «разводят всевозможные овощи, как то: капусту местную, греческую, коломенскую, сабурскую, огурцы местные, муромские и вязниковские, морковь простую и воробьевскую, свеклу кормовую и столовую, красную и черно-красную салатную, брюкву кормовую и столовую, а также репу, редьку, редис, тыкву, лук, чеснок, салат, петрушку, фасоль, сахарный горох и другие овощи и пряные растения»²⁹.

Отличительной особенностью сельскохозяйственной деятельности старообрядцев являлось также и то, что в отличие от местного населения, ведущего в основном натуральное хозяйство, староверы осуществляли, как правило, промышленное земле-

²⁴ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 205.

²⁵ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 205.

²⁶ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 206.

²⁷ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 206.

²⁸ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 251.

²⁹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 251.

пользование и товарное производство. Кропотливый огороднический труд староверов был достаточно эффективным и приносил высокие прибыли. Так, при средней стоимости аренды за одну десятину 50–70 рублей, средняя выручка с десятины под огурцами у старообрядцев-огородников доходила до 350 руб.³⁰ Важно также отметить, что белорусские старообрядцы занимались и товарным семеноводством, требующим еще большей усердности и скрупулезности, чем огородничество.

Одной из сфер деятельности старообрядцев белорусских губерний была торговля, которую они успешно делили с евреями. По утверждению очевидцев, «из старообрядцев выходят очень дельные торговцы, иногда весьма богатые, и ремесленники; многие занимаются подрядами. Ведя трезвую жизнь, отличаясь природной сметкой, физической крепостью, имея опору в случае материальной нужды у своих единоверцев, старообрядец является прекрасным работником, торговцем и подрядчиком, заслуживающим всеобщее доверие. В западном крае относятся к старообрядцам с большим уважением как к деловым людям, хотя и не всегда их долюбивают. По сравнению с торговцем и ремесленником – евреем старообрядец отличается гордостью и недоступностью. Он не продаст гнилой товар за свежий по дорогой цене и, раз назначив цену на товар, неохотно ее сбавляет, старообрядец-торговец столь же неохотно открывает мелкий кредит. Во всех этих отношениях еврей податливее. Впрочем, несмотря на конкуренцию евреев, старообрядцы очень хорошо устраивают торговые и ремесленные дела»³¹. (Выделено мною В.К.). Между евреями и старообрядцами в торговых делах существовало разделение сфер влияния. Евреи традиционно занимались розничной торговлей. В отличие от них староверы, во-первых, занимались преимущественно оптовой торговлей, а, во-вторых, совмещали торговую деятельность с промышленно-производственной. Следует также отметить, что старообрядцы – промышленники, активно поддерживали мелкий бизнес. «Веткаўскія купцы давалі рамеснікам крэдыты, забяспечвалі іх сыравінай, засяродзілі ў сваіх руках збыт вырабленай прадукцыі»³².

Неоценимый вклад старообрядчество внесло в образовательную культуру восточных белорусов. Ветка вместе с прилегающими к ней слободами была известна как значимый центр иконописи и книгопечатания. Ветковские иконо- и книгописцы были известны и желанны во всем старообрядческом мире. По существующим в старообрядческих общинах нормам, грамоте обучались все сословия. Отличительной особенностью образовательной системы старообрядцев было то, что обучению грамоте подлежали не только мальчики, но и девочки. Существенным было также и то, что образование у старообрядцев было по своей сути внегосударственным. Обучение грамоте, в том числе, и сельских детей, осуществлялось по собственной инициативе общин и на их деньги. При монастырях и церквях создавались школы грамоты. Кроме грамоты, специальные учителя, переходя из одной слободы в другую, давали детям первоначальные профессиональные знания.

³⁰ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 251.

³¹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 206.

³² Там же, - с. 60

Старообрядчество за два с половиной столетия своего присутствия в Белоруссии оказало несомненное позитивное воздействие на формирование рациональных производственно-хозяйственных и культурно-бытовых отношений среди жителей Восточной Белоруссии. По сути дела, старообрядчество на востоке Белоруссии оказывало на рационализацию производственно-хозяйственной и культурно-бытовой жизни влияние, сопоставимое по степени с влиянием, которое оказывали поляки на западе Белоруссии. Несмотря на то, что полонизированная шляхта и старообрядцы практически не взаимодействовали между собой, историки зафиксировали у них много общего. Общей чертой, которую выделяли очевидцы у старообрядцев и ополячившихся белорусов – шляхтичей, была бо́льшая, чем у окружающих крестьян, интенсивность землепользования. Так, по мнению очевидцев, «шляхтич менее склонен к рутине, чем их сосед – крестьянин. Поэтому в способах ведения шляхтичем хозяйства всегда заметны некоторые улучшения. Поле обрабатывается лучше, рациональнее, скот – улучшенной породы и хорошо вскормлен»³³.

Следующей отличительной чертой, объединяющей шляхтичей и староверов, была их бо́льшая, чем у местного населения, предрасположенность, во-первых, к ведению товарного производства, а во-вторых, к осуществлению торгово-посреднической деятельности. По оценке свидетелей «... лица, близко сталкивающиеся с шляхетским земледелием, отдают ему во многом предпочтение перед крестьянским»³⁴. Также как и у овощеводов-старообрядцев, у шляхтичей «... на огороде овощи принорованы для потребностей соседнего местечка или города. Наконец, шляхтич лучше осведомлен о потребностях и состоянии соседнего рынка и умеют этим пользоваться»³⁵.

Так же как и у старообрядцев «хата шляхтича в общем сходна с белорусской; отличается она от последней бо́льшим размером и тем еще, что имеет чистую горенку. В горенке найдется голландская печь, стены оклеены обоями или оштукатурены и выбелены, на стенах висят лубочные картинки и зеркальце. Нечего говорить о том, что шляхтич не чуждается предметов городской обстановки: самовар, керосиновая лампа, фаянсовая посуда и другие предметы обихода, ...вообще шляхтич живет более зажиточно, чем крестьянин»³⁶. Отличием жилища и у старообрядцев, и у шляхтичей является наличие «нехозяйственной» половины: «горенки» у шляхтичей, «чистой» – у старообрядцев. Быт одних и других отличается наличием «городских» предметов: голландской печи, самоваров, фаянсовой посуды и т.п. Но принципиальным является различие в функциях «чистой» половины жилища у старообрядцев и «горенки» – у шляхтичей. Так, если у шляхтичей она выполняет исключительно светскую функцию: «на стенах висят лубочные картинки и зеркальце», то у старообрядцев «чистая» комната выполняет духовно-ритуальную функцию, поэтому она завешена иконами. Принципиальным различием, разделяющим старообрядцев и шляхтичей, является происхождение их благополучия.

³³ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 202

³⁴ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 202

³⁵ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 202

³⁶ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 201

Так, «предки нынешней шляхты в польско-литовский период получали за свою службу весьма значительные для крестьянского хозяйства надель земли... Наконец, шляхта не знала тяжелой крепостной зависимости»³⁷. В отличие от них старообрядцы в Белоруссии как «пришлые» не имели никаких экономических привилегий и в своем владении имели минимум земельных угодий, а большей частью пользовались арендованной у местных помещиков.

³⁷ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. /Под ред. П.П. Семенова. – СПб, 1904. – 620 с. – с. 201-202